

Яркая луна висит в небе. Если смотреть с пика Цинъюнь, луна кажется ярче, как будто она в пределах досягаемости.

Лань Цяньсин нашел в коридоре комнату, которую для него прибрал Бо И, и толкнул дверь.

Чистая и просторная, столы, стулья, кровати и даже украшения в комнате совершенно не похожи на те, где в зале Тяньцзи требуют, чтобы люди спали в одной комнате.

Но он не стал долго разглядывать ее. Он закрыл дверь и сел на диван, молча разглядывая сложенную на одеяле одежду.

После обеда Юнь Цзюэ один раз попросил его приготовить еду и бесчисленное количество раз мыл посуду, прежде чем отпустить его отдохнуть.

Он не мог видеть Юнь Цзюэ насквозь. Он не знал, почему Юнь Цзюэ не остался на пике Цинъюнь, как в прошлой жизни, а пришел к миньчжуну и даже принял его в ученики.

Изначально он планировал, что Юнь Хуа, как и в прошлой жизни, примет его в ученики, ожидая, когда Юнь Хуа снова пошлет ему небесный хрустальный камень. Демоническая ци, покрывавшая кристаллический камень, казалась тонкой, но очень чистой. Получить такую ци очень сложно. Для Лань Цяньсина также очень просто использовать его демоническую ци для культивирования.

Но все было нарушено Юнь Цзюэ.

Сотни лет планирования были брошены на землю и растоптаны. Сердечная любовь сменилась шуткой.

Всю эту пронзительную боль в своей прошлой жизни Лань Цяньсин никогда не забудет. Раз уж небеса дали ему шанс снова жить, он обязательно оплатит им за боль, причиненную ему в прошлой жизни.

Что же касается этого странного Юнь Цзюэ...

Лань Цяньсин взял в руки мягкую и тонко сшитую облачную одежду, и вдруг вспомнил холодного мужчину, который днем спокойно читал книги под цветущим персиковым деревом.

Светло-голубой халат делал это красивое лицо еще более непохожим на лицо смертного. Ясное и чистое, как чистый родник, тихо текущий через горный ручей, словно эта чистота не должна существовать в мире смертных, не тронутая никакой грязью.

Люди не могли не породить в глубине своих сердец намерение запятнать это чистое существо.

Лань Цяньсин лег на кровать, положив руки на спину. Под своим телом он прижимал комплект одежды прямого ученика, который считался сокровищем среди учеников секты Тянюнь. Полосатый пояс был небрежно накинут на глаза, чтобы заслонить свет свечей в комнате, но это также ясно показывало злобную улыбку на его губах.

[Дин, благосклонность +10, текущая благосклонность -50].

Система: "Эх. Он опять увеличил его для тебя! Ты так много работаешь на него днем, что он не уменьшил, а увеличил его?"

Цинь Лань снял корону для волос вместе с нефритовой заколкой. Его прекрасные черные волосы упали вниз, как водопад. Такая разница в темпераменте, как между зимним снегом и весенним ветерком, удивила и самого Цинь Ланя.

Он посмотрел на себя в зеркало. Руки с мягкими волосами лежали на его плечах, брови были спокойными и нежными.

Совершенная красота! Как и ожидалось от совершенного зелья, улучшенного с уровня С до уровня А. Это должно быть оценено по достоинству!

Цинь Лань остался очень доволен собой: "Я так красив. С красивой внешностью в качестве бонуса, его совесть, несомненно, будет ущемлена. А то, что он работает, разве это считается работой? Ему не нужно было рубить дрова, приносить воду, стирать одежду и мыть туалет. По сравнению с тем, как он ходил с Юнь Хуа в прошлой жизни, где над ним издевались ученики Юнь Хуа в первую же ночь, во сколько раз лучше?"

Система: "Похоже на то..."

Цинь Лань лежал на кровати с закрытыми глазами, но на его губах застыла улыбка: "Возможно, мой муж нашел лучший способ отомстить Юнь Хуа".

Уголки рта системы дернулись, неужели ты действительно ожидаешь, что твой муж обманет тебя, а потом будет хвастаться перед Юнь Хуа?

Цинь Лань все еще сидел под деревом. Сегодня он был одет в черный халат, со своим холодным характером, он казался более безразличным, чем обычно, как будто говорил другим не подходить близко. Но пряди волос, небрежно перевязанные белой лентой, придавали ему ленивый и непринужденный вид.

От этого Лань Цяньсин, который пришел с едой, был ошеломлен.

"Что ты тут стоишь?" Цинь Лань положил книгу в руке на каменный стол. Между его бровей промелькнуло раздражение, или, возможно, он читал эту книгу слишком много раз и ему стало

скучно.

Лань Цяньсин не знал, что у него на уме, но вдруг сказал: "Учитель, лучше носить одежду светлых тонов..." Странно. Он не хочет, чтобы другие люди видели Цинь Ланя таким.

Как только он произнес эти слова, он почувствовал, что потерял дар речи, и опустил голову. Однако его глаза продолжали смотреть на выражение лица Цинь Ланя. Он увидел следы гнева. На таком лице, такое выражение будило в его сердце определенные эмоции, казалось, готовые к действию.

Цинь Лань встал, подошел к Лань Цяньсину, посмотрел на светлое блюдо, которое тот держал в руках, покачал головой и разочарованно сказал: "После стольких дней на пике Цинъюнь, ты все еще не добился никакого прогресса".

Лань Цяньсин поджал губы и поднял опущенную голову. Он спросил: "Учитель, этот ученик запутался".

Цинь Лань сузил глаза и посмотрел на него: "Ты не знаешь, почему твои блюда такие плохие?"

Лань Цяньсин кивнул, его глубокие глаза, казалось, искали простой просьбы о совете.

Цинь Лань слегка усмехнулся и сказал: "Пойдем со мной".

Лань Цяньсин последовал за Цинь Ланем на кухню. Лань Цяньсин думал, что Цинь Лань хочет, чтобы он сделал это за него, но Цинь Лань попросил его позвать Чжун И и Бо И тоже.

Когда трое в замешательстве пришли на кухню, они увидели, что Цинь Лань закатывает широкие рукава чернильного халата, а пара безупречных, как нефрит, рук замешивает тесто для клейкого риса. От этой сцены трое стоявших у двери долго не могли прийти в себя.

Когда Бо И наконец закрыл свой открытый рот, он заикаясь произнес: "Учитель... Если вы хотите съесть шарики из клейкого риса, ученик может..."

Цинь Лань проигнорировал его, только медленно добавил в тесто теплой воды и снова замесил его, пока тесто не стало мягким и не липким.

Он замесил маленькие круглые шарики и положил шарики в воду, когда вода закипела. Халат цвета чернил, руки, покрытые белой мукой, длинные волосы, которые тихо рассыпались за спиной, и то, как он опустил голову и спокойно ждал, пока шар всплывет на поверхность, казалось, что он действительно просто нежный старец, который варит суп для детей дома, такой успокаивающий и приятный.

Когда Лань Цяньсин пришел в себя, на чистом деревянном столе уже стояли три миски с кристально чистыми клейкими рисовыми шариками. На вид они ничем не отличаются от тех, что готовят. Суп не совсем прозрачный из-за муки из клейкого риса, а шарики, которые тонут на дне миски, имеют самый простой и обычный вид.

"Попробуй и посмотри". Цинь Лань расправил свою одежду, так что на чисто чернильной одежде не было белой муки.

Руки Бо И и Чжун И немного дрожали, когда они подняли миску. Они действительно могли есть рисовые шарики, приготовленные Даоцзуном Юнь Цзюэ из Секты Тяньюнь. Им хотелось кричать QAQ. Они просто хотели спросить у прямых учеников трех других пиков, смеете ли вы говорить, что ели еду, приготовленную вашим мастером? Но мы осмелились, а! Завидуйте до смерти!

Лань Цяньсин посмотрел на простую миску с шариками. Он взял ложку и зачерпнул один в рот. Мягкий клейкий и сладкий, чистый аромат клейкого риса, правильное количество сахара, как чистый поток, который распространяется от языка к сердцу, тепло и удовлетворение. В этот момент он понял, почему Цинь Лань сказал, что приготовленная им еда невкусная.

Потому что он был полон мести и обиды.

Цинь Лань бросил на него легкий взгляд и приказал: "После еды очисти миску".

Те же требования, что и обычно, но не хватает проверки "принеси мне это снова".

Лань Цяньсин ответил утвердительно, затем он, Бо И и Чжун И наблюдали, как Цинь Лань тихо вышел из кухни.

Юнь Цзюэ уже видел это, верно? Он обнаружил, что его сердце полно обиды, или он узнал... Неужели он тоже вернулся в настоящее через сотни лет?

Пальцы Лань Цяньсина, державшие маленькую ложку, слегка сжались.

"Вау! Старший брат, как вкусно..."

"Мм..." Чжун И взял оставшиеся два шарика в миске и протянул их Бо И: "Я не видел, чтобы мастер использовал духовную энергию, но когда ешь, то возникает эффект мантры, очищающей сердце. Настроение мастера, должно быть, действительно хорошее... Цяньсин, что ты ошарашен?"

Лань Цяньсин улыбнулся и помешал шарики в миске: "Просто я не ожидал этого мастера, кажется, он немного отличается от слухов..."

Сегодня ночью на пике Цинъюнь не было яркой луны, а только несколько рассеянных звезд, отчего фигуры в коридоре казались какими-то не справедливыми и не благородными.

Лань Цяньсин прошел по коридору и двору. Он подошел к двери комнаты Юнь Цзюэ в главном зале и постучал в дверь: "Учитель, ученик Лань Цяньсин просит вас о встрече".

В комнате было еще светло, было видно, что еще рано, поэтому люди внутри еще не отдыхали.

"Входи." Голос человека внутри был тихим, но его было достаточно, чтобы Лань Цяньсин, который был снаружи, смог его слышать.

Это первый раз, когда Лань Цяньсин пришел в комнату Цинь Ланя. Он осмотрел всю комнату, но не решился подойти ближе. Сначала он поклонился Цинь Ланю, который стоял перед письменным столом и рисовал.

"Давай поговорим". Цинь Лань взял в руки кисть, обмакнул ее в тушь и сделал несколько штрихов на бумаге. Казалось, он почти закончил рисовать.

Лань Цяньсин догадался, что это должна быть пейзажная картина.

"Ученик хочет спросить у мастера, почему вы приняли ученика в свои ученики". Лань Цяньсин смотрел на движения Цинь Ланя. Волосы соскользнули с его плеча на стол перед его плечами. Он сопротивлялся желанию подойти, взять эти пряди волос в руки и поцеловать их.

Услышав слова Лань Цяньсина, Цинь Лань сделал небольшую паузу: "Спаси тебя".

"Спаси меня?" Рот Лань Цяньсина слегка подергивался, он саркастически улыбался.

Цинь Лань нарисовал еще несколько штрихов в конце, затем отложил кисть в сторону и посмотрел в глаза Лань Цяньсину: "Правильно, спаси тебя".

Лань Цяньсин перестал притворяться скромным и хорошим учеником, а на его губах повисла улыбка: "Тогда как мастер собирается меня спасать?"

"Устранить обиду в твоем сердце". Цинь Лань спокойно смотрел на него, не выказывая ни малейшего гнева по поводу изменения его отношения.

Лань Цяньсин слегка пренебрежительно фыркнул: "Просто использовать миску с шариками из клейкого риса, чтобы пройти мимо или заманить меня в ловушку на пике Цинъюнь?"

Цинь Лань не ответил ему сразу же, а просто щелкнул рукавами и протянул ему картину,

которую только что закончил: "Эта картина для тебя".

Лань Цяньсин посмотрел вниз и был шокирован тем, что не смог сказать правильных слов.

Это не пейзаж, картина разделяла верх и низ.

Внизу - мрачная и унылая тюрьма, в которой тяжелые железные цепи сковывают человека. Этот человек - он.

Это сцена его саморазрушения. Кровь в его глазах красная, в ней отчаяние и печаль, но больше - ненависть, которую невозможно сдержать.

С его самоуничтожением и переполнением черной ци и демонической ци из тюрьмы на землю, ученики секты Тяньюнь в белых одеждах были похожи на него, полные негодования, держа мечи, жестоко режущие и убивающие своих братьев.

Картина явно кровавая и удушающая, но этот человек так спокоен, когда рисует.

"Вы..." Лань Цяньсин держал тонкий лист бумаги и удивленно смотрел на Цинь Ланя. Изначально он хотел спросить Цинь Ланя, является ли он также человеком, который перерождается, но, подумав об этом, решил, что нет. Если бы он был им, то его бы уже считали предателем Секты Тяньюнь и представителем расы демонов. Чтобы избежать этой ситуации, ему нужно было просто убить его заранее, зачем ему было брать его с собой на пик Циньюнь.

"Просто сон". Цинь Лань объяснил все в трех словах.

Для Цинь Ланя, который находился на стадии божественной трансформации, сон был подобен пророчеству.

На картине, хотя он и полон демонической ци, он выглядит так, будто из-за чего-то попал на путь демона. Вот почему он говорит, что хочет спасти его.

Спасти его - значит спасти и ученика Секты Тяньюнь, на которого повлияла его демоническая ци, что вполне понятно. Но Цинь Лань не обязан этого делать. Разве не достаточно будет изгнать его из секты? Даже если он снова начнет вредить другим, это уже не будет связано с их Сектой Тяньюнь. Он также может надеть на себя медаль за спасение сотен учеников Секты Тяньгун.

Если он настолько сострадателен и имеет сердце, чтобы спасти его, то где он был в своей прошлой жизни? В конце концов, не из-за лицемерной ли доброты в его сердце?

Тогда дай мне посмотреть, насколько ты можешь быть сильнее этого лицемера Юнь Хуа.

Посмотрим, как долго ты сможешь терпеть, прежде чем откроешь свое истинное лицо.

За это короткое время тушь на картине успела высохнуть. Лань Цяньсин убрал картину. Хотя его тон был по-прежнему почтительным, презрение в его глазах уже не скрывалось: "Спасибо мастеру за картину".

<http://bllate.org/book/16078/1438144>